

Оглавление

Пролог	5
<i>Глава первая</i> , об экономии ресурсов и успехах на этом поприще	7
<i>Глава вторая</i> , о способностях беспризорников и планах	16
<i>Глава третья</i> , о прогулке на дно ущелья и других интересных предложениях	27
<i>Глава четвёртая</i> , о проклинателях и концепциях не по размеру	42
<i>Глава пятая</i> , о стремительной капитуляции и неожиданном снеге в декабре	64
<i>Глава шестая</i> , о том, что забыла я, и не забыли другие	76
<i>Глава седьмая</i> , о противоречивых приказах и играх в демократию	88
<i>Глава восьмая</i> , о лёгкости организации госпиталя и разнообразных вариантах питания для недовольных	100
<i>Глава девятая</i> , о садисте и отсутствии совести у императора	118
<i>Глава десятая</i> , о подпалённом птичнике и случайном признании	138
<i>Глава одиннадцатая</i> , о том, как Ринар впервые называет меня любимой	154
<i>Глава двенадцатая</i> , о новых знакомствах и прогулке в горах	173
<i>Глава тринадцатая</i> , о бытовых и магических аспектах плена	183

<i>Глава четырнадцатая, о побеге и волевом решении Вельмы</i>	196
<i>Глава пятнадцатая, о том, что руку стоит беречь, а бить лучше дрыном</i>	206
<i>Глава шестнадцатая, о нежелании сдаваться и прощать</i>	225
<i>Глава семнадцатая, о Мирте и Марте</i>	243
<i>Глава восемнадцатая, о том, о чём промолчали Вельма и Лисса</i>	253
<i>Глава девятнадцатая, о свадьбе и всём, что к ней прилагается</i>	270
<i>Глава двадцатая, о юных водных самочках без прямого конфликта с Тьмой</i>	286
<i>Глава двадцать первая, о холодном море и грозе всех местных коз</i>	295
<i>Глава двадцать вторая, о противостоянии иллюминатора и твёрдого кошачьего лба</i>	307
<i>Глава двадцать третья, о том, как я не плачу</i>	317
<i>Глава двадцать четвёртая, о том, как я плачу и не могу остановиться</i>	330
<i>Глава двадцать пятая, о стрессе и четырёх помидорных семечках</i>	337
<i>Эпилог</i>	346

Пролог

Четыре смутные тени появились в тёмной спальне. Только что не было никого — и вот, пожалуйста. Тени быстро обрели плотность, становясь фигурами. Все четыре фигуры оказались женскими. Женщины обступили ложе, где спал непробудным сном тёмный маг.

— Нужно его поторопить, — сказала первая сестра. — Времени совсем мало.

Все четверо посмотрели на спящего.

— Давайте наслём ему сны, — тусклым голосом предложила вторая. — Пусть ускорится.

— Наслать сны? Но это же не по нашей части... Да и брат разъярится, если узнает, что мы играли на его поле.

— Тогда дадим подсказки предсказателям. Можно ещё и вот так...

Третья сестра с улыбкой взяла с полки толстенный медицинский справочник, лёгким движением раскрыла его в нужном месте, переложила разворот закладкой-ляссе и оставила фолиант на столе. Сияя радостью, она вернулась к сёстрам.

— Значит, с болезнью решено. Не стоит забывать про мальчика. Я уже веду его. Сон или предсказание? — спросила четвёртая, обратив к сёстрам до отвращения прекрасное лицо.

— И то, и другое! С братом-то мы сладим, а вот с чужими... — легкомысленно ответила третья. — Всё равно потом никто о мальчишке и не вспомнит. А этого, —

она небрежно пнула спящего мага, — нужно всё-таки поторопить, эпидемия должна начаться в срок.

Маг ничего не почувствовал и не проснулся, только мечтательно и торжествующе улыбнулся во сне. Когда фигуры исчезли, в комнате раздался тихий смешок.

Сладят они, как же...

Лёгкий туман, клубившийся под потолком, растворился в ночной мгле.

Глава первая, *об экономии ресурсов и успехах на этом поприще*

Караван оказался громким словом для четырёх гружёных под завязку телег. Получив плату за проезд, мне предложили выбрать возницу и место в телеге, если таковое найдётся. Вопреки моим ожиданиям, транспорт запрягали крупными длиннорогими буйволами, а не талирами.

Чёрные, лоснящиеся, упитанные быки флегматично переминались с ноги на ногу и били себя по бокам длинными хвостами с пушистой кисточкой на конце. Канавка вдоль дороги их интересовала гораздо больше, чем сам тракт. Шли они размеренно, не напрягая тёмно-серые блестящие бока. Конструкция телеги предполагала перекладину на уровне груди животного, куда возницы крепили торбы с бордовой травой, водой или тёмным сеном. Таким образом, буйволы ели на ходу и могли идти, не останавливаясь, весь день.

Дорога до Сарканы занимала местную неделю, то есть двенадцать дней. К концу первого дня я всерьёз задумалась, почему мне не сиделось в столице. Второй день провела на ногах, большую часть времени двигаясь трусцой впереди каравана, чтобы попа не оквадрилась от бесконечного сидения. Жаловаться было не на что — воздух пах сладко и упоительно (это если идти впереди каравана, а не сзади, где пахло свежей сельской жизнью). Каменная дорога быстро оттаяла от снега и сохла на глазах, а от длительной быстрой ходьбы мысли обретаали ясность.

Первая ясность, которую я обрела, состояла в том, что у меня больше нет дедлайна. Я привыкла мыслить категориями «до свадьбы» и «после свадьбы». Если изначально планировала из своего путешествия вернуться к концу весны, то теперь я абсолютно свободна, и потратить даже дюжину дней на приятную дорогу — это больше не возмутительная роскошь, а моё время для знакомства с этим миром.

Вторая ясность была в том, что моё местонахождение, скорее всего, не имеет значения. Иномирная колдунья может расположиться как в центре столицы, так и у чёрта на куличках — на дальнем краю географии. Вполне возможно, что я приближаюсь к ней прямо сейчас.

Третья, и самая главная, ясность заключалась в том, что мои ресурсы невозобновляемые. Пока у меня много еды, но сухим пайком я никогда раньше не питалась и с трудом могла сказать, на сколько хватит этого запаса. По моим ощущениям — на месяц, не меньше, но это неточно.

На Земле я зарабатывала пением, здесь публике моё исполнение тоже пришлось по вкусу. Можно даже накинуть баллов за экзотичность, всё-таки инструмент у меня красивый и песни необычные, но тут же есть и минус — понимать меня могут немногие. Логично было бы стараться сохранить все свои запасы, в том числе и денежные, а на жизнь и ночлег как-то подрабатывать.

Четверо возниц в караване явно скучали. Я решилась на эксперимент, забралась в первую телегу и расчехлила гитару. А дальше немного играла, немного пела. Возницы оживились, и даже животные пошли веселее.

— Эх, красиво поёшь, только всё не на нашем. Я думал, что варвары на общем говорят, а оно вон что.

Первым на контакт пошёл самый молодой из спутников, вихрастый крупный мужчина с перебитым носом и грубыми мозолистыми руками. С закатанными до локтя рукавами и богатой шевелюрой, перевязанной тёмной лентой через лоб, он напоминал былинного богатыря. Звали его Расим.

— Это не варварский, а язык того места, где я родилась, — ответила я, перебирая струны.

Спутники поначалу были немногословны, но теперь заметно оттаяли, стали перешучиваться и даже устроили ставки, какой буйвол опорожнится первым. Судя по всему, это известная дорожная забава. Я поначалу не сильно оценила интеллектуальный потенциал этого занятия, но к третьему дню вполне втянулась и тоже делала ставки.

Возницы беседовали о своём, я часто вслушивалась в их разговоры в попытках почерпнуть полезную информацию. Круг интересов у нас совпал только в вопросе стоимости ночлега в тавернах. В этой местности — тридцать медяшек за комнату и десять за еду, ближе к южной столице общая сумма доходит до пятидесяти. Караванчики предпочитали ночевать под открытым небом, только вот дожди весной шли часто, поэтому нам предстояла ночёвка под крышей. Кроме того, ближе к Сарканэ и лихие люди по ночам не дремлют, а на постоялом дворе товар будет в безопасности.

У меня появилось очень много свободного времени для размышлений и рефлексии.

Мысли, что я убила трёх человек, старалась гнать подальше. Разве был выбор? Однако сердце глухо замирало от того, насколько быстро я превращалась в безжалостного монстра — сначала воткнула кинжал в Ринара, потом убила троих магией. Неудивительно, что такая невеста императору оказалась не по вкусу. Как же быстро слетела наносная шелуха цивилизации.

Вольно или невольно я постоянно возвращалась в размышлениях к Ринару. Его предательство вызывало боль и тоску, но злости почему-то не было. Я подсознательно продолжала искать оправдание его поступку. Интуиция подсказывала, что, несмотря на резкость и вспыльчивость, он неплохой человек, и подлость ему не свойственна. Такие, как он, не убивают чужими руками и не втыкают нож в спину. Чуйке привыкла верить, вот и мучилась между несоответствием фактов и чувств. Может, я чего-то не знала? Ведь, когда в нас полетели боевые заклинания, он меня закрыл собой. Какой был в этом смысл, если он хотел моей смерти?

Е
Г
О

О
Г
О
Н
Ь

Г
О
Р
И
Т

Д
Л
Я

М
Е
Н
Я

И

Б
О
Г
Р
Е
В
А
Е
Т

И какой смысл был соглашаться на мою казнь, если моей смерти он всё-таки не хотел?

Как я ни старалась взрастить в себе ненависть к бывшему жениху, получалась только горькая обида. А ещё мне было стыдно, что семью мою они вылечили, а я, получается, набрала еды, вещей, денег и исчезла, свои обязательства не выполнив. Из-за этого, конечно, на совести лежал тяжёлый груз.

Безусловно, я себя оправдывала тем, что даже богиня оказалась на моей стороне. Но меня всё равно мучила неправильность ситуации.

Первый дождь, как и обещали возницы, долго ждать не заставил, зарядил уже на следующий день, да с какой силой! Я сидела под навесом в одной из телег, укутанная в плащ, кардиган, свитер и Ованеса. Одежда быстро отсырела, и холод пронизывал до самых поджилочек, чему способствовал шквалистый ветер. К вечеру зуб на зуб уже не попадал, поэтому приближающейся таверне я радовалась как родной.

Внутри было тепло и пахло едой, я села поближе к очагу, чтобы согреться. Просторная корчма располагалась на нижнем этаже добротного деревянного двухэтажного дома. Хозяева обшили стены деревянными панелями и частично украсили росписью. Рисунок выбрали несложный и немного наивный, но общего впечатления это не портило, наоборот, добавляло уюта. На улице сгущались сумерки, небо ещё не успело потемнеть окончательно, когда дверь тихонько отворилась и раздался мальчишеский голос:

— Извините, пустите сироту погреться.

— Пошёл вон, попрошайка! Ох уж мне эти беспризорики, всех клиентов отваживают, но я их не пускаю, — дородная тётка за прилавком сама выглядела так, будто её пускали всюду, но чаще всего к столу.

Стало жалко мальчишку, и, повинувшись порыву, я вышла на крыльцо. К стене жался худющий пацан, одетый даже не в лохмотья, а в какие-то тряпки, которые и одеждой-то никогда не были. На лице ссадины, ноги босые и в ранах, а взгляд — как у затравленного зверёныша.

— Привет. Есть хочешь? Е
Г
О
О
Г
О
Н
Ь
Г
О
Р
И
Т
Д
Л
Я
М
Е
Н
Я
И
Б
О
Г
Р
Е
В
А
Е
Т

— Привет. Есть хочешь?

Вопрос, конечно, глупый, но контакт надо налаживать, а я не знала, с чего начать. Мальчишка смотрел исподлобья, на вид ему было лет четырнадцать, ростом почти с меня, глаза огромные и смотрят оценивающе. Говорят, что беспризорники — прекрасные психологи, и по одному виду человека способны определить исходящую от него опасность. Жизнь — суровый учитель.

— Допустим, хочу. Ты покормишь? — отозвался он.

— Не я сама, тут еду подают.

— И что тебе за это нужно?

— Да ничего, что мне от тебя может быть нужно? — удивилась я.

Парнишка поколебался и кивнул. Обратном в таверну мы зашли вдвоём.

— Можно нам, пожалуйста, два горячих ужина?

Я выложила перед тёткой двадцать медяков, а она поджала губы так, будто деньги внезапно завоняли. Еду на стол буквально швырнула, расплескав суп из одной миски.

— Давно ел?

— Вчера.

— Что ел?

— Морковку.

— Сырую?

— Да. — Пацан явно ждал возможности накинуть-ся на еду, жадно втягивая запахи подрагивающими ноздрями.

— Тебе много нельзя есть, чтобы плохо не стало. Давай начни с супа, — я придвинула к нему полную миску, — а хлеб и мясо можно попозже вечером, через пару часов. Иначе будет живот болеть, и станет нехорошо.

— Я знаю, — кивнул парнишка, а потом добавил после паузы: — Спасибо.

Он с жадностью принялся за еду. Я смотрела на него и думала, что делать дальше.

— Ты куда-то направляешься?

— Да, в Саркану.

— Наш караван как раз идёт туда. Тебя там ждут?

— Можно и так сказать, — буркнул он.

У — Хочешь с нами поехать?
Л Мальчишка вскинул на меня взгляд и внимательно
Ь изучал лицо.
Я — Что ты за это попросишь?
н — Вести себя прилично и слушаться, — ответила я,
а внезапно вспомнив требования императора.
М Не такое уж нелогичное, если поменяться ролями.
у Внутри образовалась пустота.
р — Чего слушаться?
а — Меня слушаться. Скажу искупаться — пойдёшь
т купаться, скажу, не ешь это — не будешь.
о — Искупаться я и сам не против, толку-то, — про-
в бурчал он.

а Голова парнишки была замотана тряпкой, только пара вихров выбивалась наружу и в свете очага отливала каштановым. Закончив с едой, я подошла к трактирщице и попросила горячей воды для купания. Злобно глянув, она прошипела, что ванная стоит семь медных, и едва не швырнула в меня куском воняющего дёгтем мыла. Так как в таверне потихоньку становилосьлюдно, то подобное представление не осталось без зрителей.

— Ты полегче-то, девка мальчишку отмоет и в дело пустит, — загоготал один из посетителей.

— Зачем тебе этот соплёныш, давай я тебя сам обогрею, — с сальной ухмылкой поддержал его другой.

Я решила проигнорировать их выпады.

— Смотри, как бы обогревалка не отвалилась, — резко ответил мой подопечный и встал, загородив той же спиной.

Только этого ещё не хватало!

— Слышь ты, щенок, я тебе сейчас уши надеру! — Начал подниматься с места пошляк.

— Никто никому ничего надирать не будет. — Я развела руки в примирительном жесте, нервно улыбнулась самому агрессивному мужику из толпы и ухватила вояку-недоростка за шкуру. — Пошли, время уже позднее.

На шум вышел трактирщик с внушительного размера кочергой в руках. Осталось надеяться, что он не такой злыдень, как его жена.

